

**РУССКИЙ СТАМБУЛ В КНИГЕ П.А. ПАВЛЕНКО «СТАМБУЛ
И ТУРЦИЯ»**

Гульнара АЛТЫНБАЕВА*

В статье представлен образ Стамбула глазами русского писателя и журналиста П. А. Павленко. Внимание обращено на «русский взгляд» на турецкую действительность начала XX века. Приводятся ценные для понимания Стамбульского текста русской литературы наблюдения писателя, который описывает город 1920–х годов, отталкиваясь от образа Стамбула, предложенного русским путешественником в книгах Ивана Бунина и Карла Бедекера. Автор разрушает шаблоны предшественников и увлекает «экзотикой» настоящей жизни Востока.

Anahtar Kelimeler: П. Павленко, Русский Стамбул, Стамбульский текст, русско-турецкие культурные связи

**RUSSIAN ISTANBUL
IN THE P. PAVLENKO'S "ISTANBUL AND TURKEY"**

ABSTRACT: The article introduces the Russian writer and journalist P. Pavlenko's view on Istanbul. The article analyzes the "Russian view" on the early twentieth century Turkish reality. The author's observations, which are valuable for understanding the Istanbul text of Russian literature, are described as being started from creating the image of Istanbul of the 1920s proposed to Russian travelers in the

---

* Доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (г. Саратов, Россия), кафедра русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики, кандидат филологических наук, gulnarama@gmail.com ORCID 0000-0001-5168-7138

books by I. Bunin and K. Baedeker. The author destroys the stereotypes of predecessors and fascinates the readers with the "exotic" real life of the East.

Keywords: P. Pavlenko, Russian Istanbul, Istanbul's literary text, Russian-Turkish cultural relations.

В последнее время в исследовательской среде стали активно разрабатывать идеи о различных типах локального текста по аналогии с уже закрепившимся Петербургским текстом русской литературы. Речь идет о Московском тексте, Ташкентском тексте, Парижском тексте, Берлинском тексте и др. На наш взгляд, есть все основания говорить и о Стамбульском тексте русской литературы. К этой идее подтолкнули нас книга Н. Командоровой «Русский Стамбул» и сборник «Русский исход».

Русский читатель знает о Турции благодаря творчеству целого ряда русских деятелей культуры и дипломатов, побывавших в разное время в этой стране и описавших ее красоту и своеобразие, представивших свой взгляд на турецкую реальность. Это «Записки простодушного» А. Аверченко, «Путешествие в Стамбул» И. Бродского, «Тень птицы» И. Бунина, «Дневники» А. Вертинского, «Линия дружбы. Рассказы о Турции» А. Глебова, «Африканский дневник» Н. Гумилева, «Лето в Ангоре» Е. Лансере, «Стамбул. Анкара. Измир» Л. Никулина, «Пространство Эвклида» К. Петрова-Водкина, «В стране уходящего Ислама» Л. Сейфуллиной и другие. Среди авторов, чьи книги о Турции заслуживают внимания, – Петр Андреевич Павленко.

Именно первые литературные опыты П. Павленко (1899–1951), классика советской литературы, связаны с Турцией. Сам писатель так говорит об этом в «Автобиографии»: «Три года, с 1924 по 1927, провел в Турции в качестве работника советского торгпредства, не оставляя

сотрудничества в "Заре Востока" и "Одесских известиях"". На материале турецких впечатлений написаны первые рассказы и книга очерков "Стамбул и Турция"». Всего перу П. Павленко принадлежат 34 рассказа о Турции и одна статья «Турецкая художественная литература после двух революций», опубликованная в журнале «Печать и революция» (1928. № 4).

Образ Стамбула и его достопримечательностей, представленный в сборнике рассказов П. Павленко «Стамбул и Турция», современниками был назван «экзотическим». В 11-томной «Литературной энциклопедии» 1929–1934 гг. (ред. А. В. Луначарский) есть такая характеристика: «Смакование экзотики, традиционный ориентализм в описании старого Востока, хотя и облеченный в иронию, отвлекли Павленко от социально-политической обстановки современного Востока – от крупнейших сдвигов кемалистской Турции, от ее мощного национально-освободительного движения. Экзотика Босфора, Золотого рога, древние мечети, Киатхане – этот старый "Турецкий Версаль", "развратник и лицедей – Стамбул – комиссионер и гид" – вот Турция "Азиатских рассказов"». Как мы понимаем, то, что могло бы стать особенностью стиля Павленко, под влиянием законов советского искусства было писателем искоренено. Но именно тот «экзотический» взгляд на город, страну, по нашему мнению, – самый интересный, настоящий, внеидеологический.

В ходе исследования образа Стамбула в прозе П. А. Павленко возникла необходимость специального рассмотрения образа русского Стамбула 1920–х гг. Результаты исследования представлены в данной статье.

На протяжении всей книги «Стамбул и Турция» рассказчик, с одной стороны, разочарован в описаниях парадного Стамбула, которые предлагали читателю бывавшие здесь до этого русские и иностранцы: «Когда впервые подъезжаешь к Стамбулу с северной стороны Босфора,

от Черного моря, – замечаешь в себе резкое разочарование. После экзотических описаний города, сделанных и Теофилом Готье, и Элизе Реклю, и Фаррером, и нашим Буниным, хочется видеть нечто особенно поражающее разум, нечто не похожее на обыденность. Хочется видеть не просто минареты, а целый лес минаретов. Не обычное зарево заката, а такое, как в аравийских и африканских песнях, кипящее золотом небо и симфонию розовых и голубых шелков, благоухающих амброй и миррой. Хочется видеть не просто город, а биржу культур, паноптикум многих цивилизаций, ибо все народы оставили следы своего пребывания на этой узкой полоске земли, где завязаны в мертвый узел столбовые дороги мира. И видишь буднично-обычный город, эту Гоморру сегодняшних дней, где турки-полуевропейцы и европейцы-полуосманы сообща делают шумную жизнь, в одинаковой мере далекую как от классической старины восточных идиллий, так и от новизны сегодняшнего свежего дня» (9), «Мрамор дворцов не купает ступеней своих в волнах Босфора, как уверяли нас Фаррер и особенно Бунин» (10). С другой стороны, автор, а за ним и читатель очарованы экзотикой живого города, о чем никто до Павленко не писал. «Глаз россиянина радуют»: «Вы осознаете себя в городе из не очень богатых фантастикой сновидений, в городе, улицы которого – простая крошка из улиц старого Тифлиса с его коврами, шашками, серебром и татарскими харчевнями на Майдане и улиц громокипящей довоенной Одессы» (15).

Очень хорошо чувствуется, что Павленко – русский человек.

Во-первых, на страницах его рассказов мы постоянно замечаем русских людей, живущих в Стамбуле.

«Из ресторана "Карпыч" русский язык звучит на добрую половину Гран-рю де-Пера, до маленькой темной улочки Панайя-Сокак, откуда начинается застолье новых русских групп, базирующихся на ресторан одесского баловня Сашки Пурица "Тюркуаз" и кавказский кабачок

Тиграна, скромно именующийся "О бон гу". Русские разделили Перу на княжества и княжат и владеют ею. Русский язык, преобладающий даже в нерусских областях Перы, сиротливо вклинившихся в славяно-одесскую равнину, слышен и в шантане Максима и в барах на рю Кабристан, и в веселых домах на рю Венедик, гнилой речушкой мелких кофейенок и подозрительных лавочек впадающих в Гран-рю де-Пера, как раз напротив рю де-Полонь – улицы французского посольства» (15-16).

Во-вторых, тексты «Стамбула и Турции», на наш взгляд, соответствуют русскому травелогу или путевому очерку. Сам жанр травелога долгое время изучался только применительно к литературе сентиментализма, повествование о путешествии в которой занимает важное место. Современные слависты (напр., П. Вайль, В.-С. Киссель, Е. Пономарев, Г. Тиме и др.) показали и востребованность травелогов, и их неотъемлемое присутствие в русской литературе XX века, времени активного расширения границ и пределов. Вот и Стамбул в книге П. А. Павленко настойчиво показан глазами русского интеллигента с претензией на философа и историка, имеющего определенный жизненный опыт, воспринимающего все в сравнении с российским, причем преимущественно в пользу последнего. При этом автор не во всем тут последователен. Так, приехав, П. Павленко не нашел того, что ему было заочно предложено полюбившимся Буниным (сборник «Тень птицы»), поэтому с помощью друга и местного гида Сулейман-бея он обращает внимание своего читателя на важнейшие нешаблонные, нетуристические места и детали города, чтобы другие туристы не прошли мимо и «свежими глазами» сами убедились в красоте настоящего Стамбула. То есть автор «разоблачает» популярные тексты о Стамбуле, которые мог прочесть русский человек рубежа XIX – XX вв., отправляющийся на Восток. Описания Ивана Бунина в трактовке Павленко, к сожалению, подобны описаниям из путеводителя Карла

Бедекера «Константинополь и Малая Азия. Путеводитель с картами»: «Бедекер стоит недорого, в Бедекере около двухсот страниц убористого шрифта, и любознательный путешественник выбирает из него места особой, хрестоматийной значимости» (18), «хороший гид должен отталкиваться от Бедекера, как от трамплина» (35).

В-третьих, «русскость» рассказчика проскальзывает невольно то в поиске в современном Стамбуле признаков древнего христианского города Византия/Константинополя, то в сопоставлении повседневной турецкой жизни с русской и в сравнениях ожидаемого с действительным. Подобное читаем не только у Павленко, но и у Аверченко, Бунина, Гумилева, Мандельштама, Сейфуллиной.

«Стамбул — пейзаж, Стамбул — экзотика, и наряду с этим ни одного исторического имени, как будто камни старых мечетей да развалины византийских дворцов были его единственными обитателями» (6); «Стамбул – город, лежащий на месте древней Византии. Пера – пригород Византии, – выросшая на развалинах генуэзских колоний, и напротив них через Босфор, в Азии – Скутари. Эти три квартала, в каждом из которых по триста тысяч человек коренного населения, составляют Константинополь. Революция, в числе прочих вещей, изменила и имя города, и вместо греческого присвоила ему имя турецкого (и древнейшего кстати) квартала» (11-12); «Даже при особом усердии это обычно занимает немного времени и через три-четыре дня старье Византии и Стамбула кажется узнанным до границ и разгаданным полностью» (19).

Автор постоянно думает о своем русском читателе, которому предстоит впервые познакомиться со Стамбулом и Турцией, стремится аутентичнее рассказать про турецкий мир. Это проявляется в постоянных сравнениях турецких реалий и

исторических личностей с русскими аналогами. Район Стамбул – «здешнее Замоскворечье» (11), Фехим – «турецкий Распутин» (32), Суад-Дервиш «манерой письма своего она напоминает отчасти нашего покойного Л. Андреева» (93), «турецкими великороссами хотели быть и были одни стамбулиторы» (162) и др. Представляя турецких писателей, сравнивает их с русскими писателями и даже ищет признаки влияния русских на турок. Даны образы таких молодых турецких писателей, как Риза-Тефик («сыграл совершенно исключительную роль в эпоху, предшествовавшую последней, кемалистской революции. Его влияние на умы можно внешне сравнить с влиянием на русское общество Льва Толстого» (85)), Рефик-Халид («которого русские мусульмане в свое время сравнивали то с Чеховым, за мягкость и сердечность красок, за особенную душевность языка, то с Горьким, за уклон в сторону демократических тем, за любовь к низинам быта, впервые им показанных» (84)), Суад-Дервиш («Манерой письма своего она напоминает отчасти нашего покойного Л. Андреева, с той лишь разницей, что она гораздо ближе, чем Андреев, стоит к литературе социальной и глубже погружается в натурализм, хотя бы он и был временами окрашен пессимистическими настроениями» (93)), «Она знакомится с Достоевским, Андреевым, Горьким, потом с книгами молодых – Замятина, Вс. Иванова, Лидина, Пильняка. Несомненно, под влиянием прочитанного, она начинает новый роман из жизни турецкой женщины сегодняшнего дня» (95)).

Чаще всего найденные примеры влияния русских на жизнь турок не удовлетворяют Павленко: «Наивны те, кто хоть раз возрадуется этому влиянию русских людей в жизни Турции. Говорить о русификации могут, конечно, многие, ибо национальная гордость чувство столь же свойственное большинству обывателей, как, скажем, икота – досыта наевшемуся дикарю. Но я не радуюсь. <...> В истории наших взаимоотношений с кемалийской Турцией эмигрантская пропаганда

российского величия и российской мудрости скажется как препятствие, а не как помощь» (236), «Русский грузчик, который работает по двенадцати часов в сутки на пристанях Золотого Рога, не утверждает никакого русского влияния. Портной "Емтов и Сын", чьи пиджаки дерзновенно разгуливают по Большой улице Пера, тоже, извините меня за упрямство, не утверждает русского влияния. Точно так же и университетский библиотекарь, и полицейский филер, и галатский меняла. Одни рекомендуют себя подлецами, другие, что, впрочем, значительно реже, хорошими работниками. Одни учат сноровке и сметливости, другие являются живыми примерами опроченства и моральной распушенности» (235-236).

Еще одним признаком «русского взгляда» на Стамбул является язык повествователя. Рассказчик – «любопытный русский», который только начинает узнавать турецкий язык, гуляя по городу и слушая разговоры, поэтому и в речи его встречаются транслитерированные тюркизмы, порой произносимые так, как воспринял их на слух: например, Брусса – вместо Бурса, Ангара – вместо Анкары, Ильдыз – вместе Йылдыз, Кадикей – вместо Кадыкей, Фундукли – вместе Фындыклы, Ортогрул – вместо Эртугрул, Анатоли – вместо Анадолу, Скутар – вместо Ускудар, Топкапу – вместо Топкапы, Юсек-Калдрым – вместе Юсек-Калдрым, Балыккисире – вместо Балыкесир, буюк мезеристан – вместо буюк мезаристан, Гайдар Паши – вместо Хайдар-паша, Ортогрул Мухсин – вместо Эртугрул Мухсин и др. Можно даже составить словарь тюркизмов и турецких словоупотреблений, встречающихся в книге «Стамбул и Турция». Вот некоторые примеры:

Беш лира (*тур.* – Beş lira – «пять лир») – («*Беш лира*, – говорит она всем нам и показывает на себя. Негритянка оттаскивает ее от барьера и пробует увести, уговаривая по-немецки. Анни защищается упрямо. Ни вчера, ни сегодня меня никто не позвал, – говорит она. Что же я пошлю

мальчику? Я не посылала еще с Афин. И опять она говорит нам: *Беш лира!*» (136)).

Джами (*тур.* – *Samî* – «мечеть») – (Фатих-джами, Кахрие-джами, Баязит-джами).

Каиджи (*тур.* – *Kaуkçî* – «лодочник») («Женщина на каике безразлично рассматривает Анни и оглядывает мужчин. Пятеро из лодочников складываются по лире и бросают между собой жребий. Счастливец, молодой *каиджи*, в пестром кэпи и в рубаше, болтающейся на его теле, как на эбеновой статуе, высаживает товарища в наш каик и подплывает к лесенке мола. Анни, поддерживаемая негритьянкой, спускается в лодку. Двумя ударами весел *каиджи* бросает каик в темноту свай под деревянным настилом пристаньки» (136)).

Кафеджи (*тур.* – *Kahvesî* – «разносчик/продавец кофе») («Очень часто, но теперь больше только в провинции, *кафеджи* и цырульник – одно лицо» (28), «Я вижу, что кофе пили так же, как и теперь его пьют, и что *кафеджи* за четыреста лет нисколько не изменили своих мангалов» (246)).

Саол (*тур.* – *Sağ ol* – форма благодарности в обращении) («*Саол* говорит он, улыбаясь» (137)).

Сокак (*тур.* – *Sokak* – «улица») («Панайя-сокак» (15), «Мехтаб-сокак» (82)).

Сууджи (*тур.* – *Sucu* – «разносчик/продавец воды») («*сууджи* – продавцов воды, примененные как реклама, и действующие, наоборот, как возбудители водобоязни, щелканье извозчичьих бичей и крики хаммалов, вместе с запахом чеснока, пота, духов и помоев настолько забивают сознание, что глаза не успевают ничего видеть, сознание не ухитряется ничего запечатлеть» (14)).

Чайчи (*тур.* – *Çауsî* – «разносчик/продавец чая») («Бродячий *чайчи* прыгает с мола в ближайший каик и из него оделяет всех нас чаем» (132)).

Шайтан (*тур.* – Şeytan – «шайтан, черт») («Это не наши женщины, не турчанки. *Шайтан* их носит по чужим краям» (135)).

Эски (*тур.* – Eski – «старый») («Стамбул – квартал теперь называют старым городом – *Эски-Стамбулом*» (12)).

В итоге можно сказать, что перед читателем книги рассказов П. А. Павленко «Стамбул и Турция» предстает неоднозначное восприятие Стамбула и турецкой жизни: и восхищение, и удивление, и неприятие, и попытка понять и принять Восток, т.к. есть в нем что-то родное, русское. Думается, при сопоставлении этих примеров с примерами из текстов других русских публицистов этого времени, писавших о Стамбуле и Турции, а также соотнесение их со взглядом турецких писателей на русских стамбулиотов дадут очень хорошие результаты в пользу продвижения в исследовательской среде Стамбульского текста русской литературы как части Стамбульского текста мировой литературы.

Литература

- Baedeker's Konstantinopel und Kleinasien: Handbooch für Reisende. Leipzig, 1905. Яз. нем.
- Алтынбаева Г. М. Турецкая экзотика П. А. Павленко и «пролетарские перья» / Г. М. Алтынбаева // Эпоха «великого перелома» в истории культуры: сб. науч.ст. Саратов: Изд-во Саратов.ун-та, 2015. С. 215-224.
- Алтынбаева Г. М., Речбер Д. Образ Стамбула 1920-х годов в рассказах П. А. Павленко / Г. М. Алтынбаева, Д. Речбер // Филологические этюды: сб. науч. ст. молодых ученых: в 3 ч. Вып. 18, ч. I–III. Саратов, 2015. С. 73-77.
- Беглые взгляды: Новое прочтение русских травелогов первой трети XX века: сб. статей. М.: НЛО, 2010.
- Командорова Н. И. Русский Стамбул / Н. И. Командорова. М.: Вече, 2009.

- Павленко П. А. Автобиография / П. А. Павленко // Павленко, П. А. Собр.соч.: в 6 т. Т. 1 / П. А. Павленко. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. С. XLIX.
- Павленко П. А. Стамбул и Турция / П. А. Павленко. М.: Федерация, 1930. Все цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц в тексте. Сохранены авторские знаки и словоупотребления.
- Пономарев Е. Р. Типология советского путешествия: «путешествие на Запад» в литературе межвоенного периода / Е. Р. Пономарев. СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2013.
- Русский исход: сб. историко-литературных произведений (А. Аверченко, М. Булгаков и др.). М.: Дрофа, 2009.
- Эвентова Т. Павленко / Т. Эвентова // Литературная энциклопедия: в 11 т. Т. 8. М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. энцикл.», 1934. Стлб. 390.

Literatura

- Baedeker's Konstantinopel und Kleinasien: Handbooch für Reisende. Leipzig, 1905. Yaz. nem.
- Altynbaeva G. M. Tureckaya ekzotika P. A. Pavlenko i «proletarskie perya» / G. M. Altynbaeva // Epoha «velikogo pereloma» v istorii kulturey: sb. nauch.st. Saratov: Izd-vo Sarat.un-ta, 2015. S. 215-224.
- Altynbaeva G. M., Rechber D. Obraz Stambula 1920-h godov v rasskazah P. A. Pavlenko / G. M. Altynbaeva, D. Rechber // Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. molodyh uchenyh: v 3 ch. Vyp. 18, ch. I-III. Saratov, 2015. S. 73-77.
- Beglye vzglyady: Novoe prochtenie russkih travelogov pervoy trety HKH veka: sb. statej. M.: NLO, 2010.
- Komandorova N. I. Russkij Sтамбул / N. I. Komandorova. M.: Veche, 2009.
- Pavlenko P. A. Avtobiografiya / P. A. Pavlenko // Pavlenko, P. A. Sobr.soch.: v 6 t. T. 1 / P. A. Pavlenko. M.: Gosudarstvennoe izdatelstvo hudozhestvennoj literatury, 1953. S. XLIX.
- Pavlenko P. A. Sтамбул i Turciya / P. A. Pavlenko. M.: Federaciya, 1930. Vse citaty privodyatsya po etomu izdaniyu s ukazaniem stranic v tekste. Sohraneny avtorskie znaki i slovoupotrebleniya.
- Ponomarev E. R. Tipologiya sovetskogo puteshestviya: «puteshestvie na Zapad» v literature mezhvoennogo perioda / E. R. Ponomarev. SPb.: Izd-vo SPbGUKI, 2013.
- Russkij iskhod: sb. istoriko-literaturnyh proizvedenij (A. Averkhenko, M. Bulgakov i dr.). M.: Drofa, 2009.

Eventova T. Pavlenko / T. Eventova // Literaturnaya enciklopediya: v 11 t. T. 8. M.: OGIZ
RSFSR, gos. slovarno-encikl. izd-vo «Sov. encikl.», 1934. Stlb. 390.